

К ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ И ДЕПОРТАЦИИ САХАЛИНСКИХ КОРЕЙЦЕВ

А.Т. Кузин

*Филиал ГОУ ВПО «Тихоокеанский государственный
экономический университет», г.Южно-Сахалинск.*

Рецензент д-р ист., наук, профессор А.А. Слезин

Ключевые слова и фразы: депортация; корейцы; политические репрессии; Северный Сахалин.

Аннотация: На основе архивных документов прослеживается процесс обрушившихся на корейское население, как на врагов народа, политических репрессий. Особым трагическим планом представлены события по административному выселению корейцев в Среднюю Азию и Казахстан в 1937 г. и негативные последствия этой депортационной акции.

По проблемам политических репрессий и депортации уже создана обширная историография. Но, в своей совокупности, она еще не дает полных ответов на то, как происходили эти процессы относительно сахалинских корейцев. Между тем перед нами одна из узловых проблем их национальной истории и жизнь властно требует представить об этом не только элементарные, но и относительно глубокие научные сведения. Вот почему обращение к рассматриваемой теме представляется актуальным. Тем более, что исторические условия привнесли в региональную корейскую иммиграцию свои специфические особенности.

Во-первых, после освобождения Северного Сахалина от японской оккупации (май 1925 г.) на его территории в качестве особых представителей остались так называемые резиденты, среди которых находились и японизированные корейцы, пожелавшие выполнить «миссию пионеров по развитию дикого русского севера» [1, с. 255–257].

Во-вторых, на основании подписанного 20 января 1925 г. соглашения об основных принципах взаимоотношений между Союзом ССР и Японией на территории Северного Сахалина стали действовать нефтяные и угольные концессии, на которых использовался и корейский труд [2].

В-третьих, на Южный Сахалин после передачи его Японии в результате поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. для нужд

Кузин А.Т. – кандидат исторических наук, доцент, кафедра «Государственное и муниципальное управление», e-mail: Anatoliy_Kuzin1939@mail.ru, филиал ГОУ ВПО «Тихоокеанский государственный экономический университет», г. Южно-Сахалинск.

колонизации в качестве дешевой рабочей силы по вербовке стали интенсивно прибывать корейцы [3, с. 33]. В период 1920–1925 гг., когда Сахалин полностью находился под контролем Японии, часть корейцев с юга острова перешла на его северную половину и осталась там, на постоянное жительство. Наблюдался и встречный поток.

Все это вместе с фактором пограничной близости с японским Южным Сахалином, именуемым губернаторством Карафуто, давало повод видеть в сахалинских корейцах японофильствующий элемент и особо опасных врагов народа. Проследим процесс обрушившихся на корейцев политических репрессий сталинского режима на следующих исторических фактах.

В 1933 г. Сахалинским областным отделом ОГПУ была арестована группа лиц корейской национальности в количестве 17 человек во главе с Ха Ен Су [4]. Из обвинительного заключения следует, что десятник Дуйской концессии Ха Ен Су, являясь якобы резидентом японской разведки, собирал о советском Сахалине сведения военно-политического и экономического характера, занимался изучением деятельности органов ОГПУ, имел агентуру, через которую проводил шпионско-разведывательную работу. В обмен на получаемые сведения выдавал своим агентам товаропродукты из магазина концессионера.

После ареста Ха Ен Су был допрошен пять раз. Однако материалами дела не доказано, что он являлся японским агентом, и что лично им была завербована группа корейцев. В деле отсутствуют данные о практической деятельности «резидентуры», составляющей государственное преступление. При ознакомлении с протоколами допросов обвиняемых видно, что большинство из них проживало на территории России до революции, прибыло на остров Сахалин в поисках средств существования. Это были малограмотные или совершенно неграмотные люди, с низкой квалификацией, работавшие, в основном, пильщиками, лесорубами, рыболовами, водноносами, землекопами. Хорошо зная друг друга, встречаясь на улице или заходя к знакомым на квартиру, они вели обычные разговоры об условиях работы и трудностях жизни, о том, где производят очередные аресты и сколько корейцев еще осталось на свободе. Все эти разговоры расценивались как шпионская деятельность и оформлялись в протоколах терминологией разведывательных органов.

Несмотря на явную абсурдность обвинений в шпионаже в пользу Японии и отсутствие каких-либо вещественных доказательств, постановлением «тройки» ОГПУ по Дальневосточному краю от 29 августа 1933 г. 11 человек из 17 арестованных были приговорены к высшей мере наказания. Ровно через месяц все они были расстреляны и в их числе Цой Максим, Хе Дя Сим, Хан Ен Бо, Кан Ир Мун, Ким Гван О, Ким Хак Су, Ким Иван, Ким Мун Сен, Ли Сергей, Сек Пон Гу, Ким Мен Сен. Всем другим пришлось отбывать наказание в концлагерях Коми АССР, Караганды и Воркуты. Признанный «резидентом» Ха Ен Су был выслан за пределы СССР. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. все необоснованно осужденные по данному делу были реабилитированы. Дело в отношении Пак Тен Хи, он же Пак Ден Хи, пересмотренное в порядке надзора военным прокурором Дальневосточного

военного округа, за отсутствием состава преступления было прекращено раньше, 15 июля 1963 г.

В сентябре 1933 г. «тройка» ОГПУ по Дальневосточному краю приняла постановление по следственному делу № 2448, по которому проходило пять человек. В обвинительном заключении признавалось: «окраска учета – японский шпионаж». Признанному в качестве главного организатора шпионской деятельности Ким Чун Гыну была определена высшая мера наказания – расстрел. Остальные подлежали заключению: Ли Цун – 5 лет концлагеря, Тен Чан Гын – 5 лет исправительно-трудовых учреждений, Сергей Ким (гражданин СССР) – 10 лет исправительно-трудовых учреждений и к такому же сроку был приговорен Ким Чун Бя. Уголовное дело против вышеназванных лиц было пересмотрено, и на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. они подлежали реабилитации [5].

По данным Сахалинского пограничного отряда ОГПУ, в период интервенции на Дальнем Востоке японцы в целях усиления влияния среди корейцев организовывали из наиболее «кулацко-зажиточных слоев корейского населения» общества для ведения шпионажа. По подозрению в сборе для них сведений разведывательного характера были арестованы проживавшие в п. Най-Най Широкопадского района граждане СССР Андрей Хен и Ни Бон Ней. Обвинялись они в том, что, проживая в Приморье, сотрудничали с китайской разведкой, выдавали красных партизан, а будучи на Сахалине, передавали японцам шпионские сведения (о ежедневном улове рыбы в колхозе, о политическом настроении корейского населения). Кроме того, Андрею Хен инкриминировалось, что он, будучи с 1931 г. в агентурной связи с органами ОГПУ, не выполнял задания, разглашал японской полиции на Южном Сахалине секретные данные о деятельности пограничного отряда ОГПУ и в итоге «саморасконсперировался». В январе 1934 г. было вынесено заключение: «окраска учета – японский шпионаж». И хотя признавалось, что «вещественных доказательств по делу нет», тем не менее на основании постановления «тройки» ОГПУ по Дальневосточному краю (ДВК) Андрей Хен был расстрелян, а Ни Бон Ней осужден на 5 лет концлагеря. Оба они имели советское гражданство и реабилитированы в 1989 г. [6].

Документальные источники свидетельствуют, что корейцы объединялись в так называемые национальные братства «цаги». Члены их давали друг другу клятву защищать себя от клеветы, от моральных и физических унижений. Это обстоятельство рассматривалось органами госбезопасности как сговор в целях проведения контрреволюционной деятельности, сбора шпионской информации. В одно из таких братств входил Ди Ден Бон житель г. Охи, имевший гражданство СССР и работавший десятником лесной конторы треста «Сахалиннефть». Его судьбу предопределили поступившие в органы ОГПУ ложные агентурные доносы. А затем последовали указания: «Поставить на учет, собрать установочные данные о связи с японцами». Одиннадцатого сентября 1937 г. «тройка» управления НКВД по Дальневосточному краю постановила: «Ди Ден Бон расстрелять. Имущество, лично принадлежащее осужденному, конфисковать. Семью выслать».

«Дорогой родной брат! Летом этого года я ездил в Москву, где в больнице лечился и вылечил свою болезнь и оттуда через пять месяцев вернулся во Владивосток... по слухам, вы проживали во Владивостоке и беспокоились за меня, что не умер ли я? Но я недавно из Владивостока прибыл на Сахалин. Напишу в следующий раз».

Письмо это, адресованное в Корею на деревню Канге, Цой Хын Дину было отправлено из г. Александровск-на-Сахалине в октябре 1934 г., а его автором был Цой Шен Хи (Цой Николай Иванович). Спустя три года, попав к органам безопасности, оно послужило одним из «доказательств» связи Николая Цоя с японской разведкой.

В сфабрикованном обвинительном заключении утверждалось:

«В 1925 году в г. Владивостоке, где в то время проживал Цой Николай, прибыл из Японии его брат Цой Хен Гван, который, будучи резидентом японской разведки, завербовал Цой Николая в 1928 году. По заданиям последнего Цой Николай занимался сбором шпионских сведений в пользу Японии экономического, политического и военного характера. Подготавливал кандидатуры для вербовки в качестве секретных агентов японской разведки, занимался выявлением красных партизан из числа корейцев, выявлением существовавших в то время среди корейцев к/р (контрреволюционных – А.К.) группировок, которые использовал в шпионских целях, а также выполнял ряд других заданий. Помимо этого оказывал содействие разведчику Цой Хен Гван в создании на территории СССР шпионско-повстанческих к/р групп. Виновным признал себя полностью».

Второго марта 1938 г., после почти пятимесячного тюремного заключения, Николай Цой постановлением «тройки» УНКВД по ДВК был приговорен к высшей мере наказания, а 23 марта расстрелян. Пройдет 51 год и имя Николая Цоя будет реабилитировано [7].

В августе 1937 г. Охинским районным отделением НКВД было закончено следствие по делу Дю Син Хва, работавшего чернорабочим нефтяной японской концессии в г. Охе.

*Выписка из протокола «тройки» УНКВД по ДВК
от 11 сентября 1937 г.:*

«СЛУШАЛИ:

Дело № 22296 САХАЛИНСК ОБЛУПР НКВД по обвинению Дю Син Хва, 1896 г., ур. Кореи, гор. Пукчен.

ОБВИНЯЕТСЯ. Проживая в Охе, Дю Син Хва был тесно связан с японским разведчиком Кавахара, занимался сбором и передачей сведений шпионского характера, за что получал от японцев вознаграждения.

ПОСТАНОВИЛИ: Дю Син Хва РАССТРЕЛЯТЬ.

Имущество, лично принадлежащее осужденному, КОНФИСКОВАТЬ.

Семью выслать».

Выписка из акта

«Постановление «тройки» УНКВД по ДВК

От 11 сентября 1937 года

О расстреле Дю Син Хва.

Приведено в исполнение в 9-30 час. 17 сентября 1937 г.»

Машина обличения работала по заданной установке, не оставляя своим жертвам никакой надежды на свободу и права на жизнь.

А К Т

1938 г., апреля 16 дня, гор. Александровск-на-Сахалине. Мы, нижеподписавшиеся, нач. Сах. обл. упр. НКВД – Комбриг Дреков ... сего числа ... привели в исполнение решение «тройки» УНКВД по ДВК путем расстрела в отношении:

1. Дело № 63546. Растопшина Якова Никифоровича 1892 г.р.
2.
76. Дело № 43590. Мо Сю Чун 1899 г.р.
77. Дело № 43606. Ван И Мин 1886 г.р.
78. Дело № 43605. Чу Мо Лэ 1903 г.р.

Приговор приводили в исполнение с 22-00 до 3-00 часов 16 апреля 1938 г. Трупы зарыты в землю в 46 км от г. Александровск-на-Сахалине [8].

В годы репрессий органами ОГПУ–НКВД по обвинению в связях с японскими шпионами и международной буржуазией, участии в контрреволюционной деятельности, вредительстве, диверсиях, террористических актах, антисоветской агитации по Сахалинской области были арестованы и привлечены к различным мерам наказания несколько сотен граждан корейской национальности. Имена 193 из них удалось установить в ходе архивных поисков, и они опубликованы в печати [9, с. 194–197].

В исторических судьбах сахалинских и всех дальневосточных корейцев особо трагическим оказался 1937 год. Директивой о их депортации стало постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. № 1428-326 сс, подписанное Председателем СНК СССР В.М. Молотовым и Секретарем ЦК ВКП(б) И.В. Сталиным [10, с. 64–65]. Во исполнение партийно-правительственного постановления Нарком НКВД СССР Н.И. Ежов в меморандуме № 516 от 24 августа 1937 г. приказывал начальнику УНКВД по ДВК комиссару госбезопасности 3-го ранга Г.С. Люшкову:

«1. Провести точный учет всего корейского населения, исключив возможность самовольного одиночного или группового выезда в другие места.

2. Проходящих по разработкам, ведущих антисоветскую деятельность и подозреваемых в шпионских связях арестовать, провести короткое следствие, оформить дела и направить их в судебные органы или решить на заседаниях «троек».

3. В целях предотвращения эксцессов, провокаций и перехода на нелегальное положение усилить оперативное обслуживание корейского и русского населения, а для недопущения беспорядков в пунктах концентрации выставить наряды работников НКВД и милиции.

4. Выпуск корейцев за границу проводить в порядке упрощенного перехода по спискам, утвержденным комиссиями районов выселения. Не допускать перехода за кордон корейцев, имевших отношение к Красной Армии, НКВД, оборонной промышленности.

5. Для подготовки и проведения выселения корейцев создать повсеместно тройки из представителей партийных, советских органов и органов НКВД.

6. Выделить на каждый эшелон коменданта и группу милиционеров. Состав переселяемых принимать в эшелоны и сдавать по именованным спискам, подписанным комиссиями по переселению.

7. Принять меры к недопущению объединения и отставания корейцев от эшелонов.

8. На период выселения уплотнить охрану границы, увеличив количество пограничных войск на 3 тыс. человек.

9. Всех корейцев из РККА, погранохраны и милиции в погранполосе отозвать; входящих в начальствующий состав Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии (ОКДВА) и погранохраны перевести во внутренние округа; рядовой и сержантский состав, старшин уволить и выселить вместе с семьями; паспорта и другие официальные документы отбирать при посадке в эшелон; выдворяемым за границу вывоз личного имущества и ценностей разрешить» [10, с. 68–70].

Все эти директивы были получены дальневосточными органами, которые, адресуя их на места, предписывали «учитывать все политическое значение операции, соблюдать величайшую бдительность, настороженность, предусмотрительность, проявляя максимум дисциплины и исполнительности» [11].

А вскоре последовала шифрограмма руководителям Дальневосточного края следующего содержания:

И.М. Варейкису, В.К. Блюхеру, Г.С.Люшкову

«11 сентября 1937 г.

Совершенно секретно.

По всему видно, что выселение корейцев – дело вполне назревшее. Возможно, что мы несколько опоздали с этим делом. Но, если это верно, тем быстрее надо провести выселение ... Предлагаем принять каждому из вас по своей области строгие меры по точному исполнению календарного плана выселения. Людей, саботирующих дело, кто бы они ни были, арестовывать немедленно и наказывать примерно. Арестуйте не только Вольского¹, но и десятки Вольских. Передайте Друскису², что над ним будет учинена примерная расправа, если он не проявит должной исполнительности и дисциплинированности.

Секретарь ЦК ВКП(б) *Сталин*» [12, с. 10–11].

Корейцы Северного Сахалина выселялись в третью, последнюю очередь. При этом считалось, что сахалинские корейцы, как и корейцы других погранзон, несомненно, являются «кадрами японского шпионажа» и их присутствие нецелесообразно и даже опасно. Руководство всей работой поручалось областной «тройке» в составе первого секретаря обкома ВКП(б) П.М. Ульяновского, председателя облисполкома А.П. Громова и начальника областного управления НКВД В.М. Дрекова. По такому же принципу формировались «тройки» в районах, которые обязывались без промедления составить персональные списки корейских семей, провести учет принадлежащих им строений, имущества, скота, посевов, а также транспортных средств, обеспечивающих быструю погрузку людей на паром. Сроки выселения определялись с 5 по 20 октября [13].

Поскольку Сахалин, как островная территория, имел морской флот, на котором в качестве рыбаков работали корейцы, то в обязательном порядке осуществлялись указания Дальгосрыбтреста:

¹ Вольский М. П. – председатель Далькрайисполкома.

² Друскис – начальник управления Дальневосточной железной дороги.

«1) в шестидневный срок переукомплектовать ловецкий флот с таким расчетом, чтобы на каждой плавучей единице было бы русских пловцов 50 %;

2) переукомплектование проводить так, чтобы в каждой единице, там, где шкипер – кореец, был бы помощник русский, и наоборот;

3) если на рыбозаводах не будет хватать русских ловецких команд, то разрешается до конца путины оставить ловецкие единицы с корейскими командами;

4) все буксирные катера полностью переукомплектовать русским составом, установив твердый порядок, чтобы катера все время находились в море вместе с ловецкими единицами;

5) обеспечить образцовую охрану флота, исключив совершенно всякую возможность и попытку его увода» [14].

Для производства денежных расчетов с корейским населением Сахалинской области был выделен один миллион рублей. За счет этих средств оплачивалось оставленное движимое и недвижимое имущество: дома, дворовые постройки, орудия рыбного лова, сельхозинвентарь, неубранные посеы, домашний скот. Кроме того, выдавались денежные суммы на продовольственные нужды в течение 30 суток, из расчета по 5 руб. в сутки на каждого, за исключением колхозников и единоличников, которым надлежало быть на самообеспечении. Установленный порядок требовал выдавать корейским трудовым коллективам и каждому переселяемому в отдельности письменные гарантии для взаиморасчетов по месту вселения.

В целом из Сахалинской области были депортированы 293 корейские семьи с общей численностью 1 155 человек. Из-за отсутствия полных сведений представим их состав только по одному Александровскому району. В списках по выселению здесь значилось 299 человек, из них 287 корейцев и 12 членов смешанных семей, где один из супругов и дети принадлежали к другой национальности. Из их числа: 294 являлись гражданами СССР, 5 – подданными Японии, 70 носили национальные имена, 65 родились на Сахалине, 8 не имели никаких удостоверений личности, 88 прибыли на Северный Сахалин после японской оккупации в мае 1925 г. [15]. К 18 октября 1937 г. сахалинские корейцы из порта Александровского были доставлены в порт Владивосток, откуда их путь лежал в Среднюю Азию и Казахстан. В отношении корейцев японского подданства запрашивались санкции о выселении их в Японию [16].

Согласно циркулярному письму Далькрайисполкома все оставшиеся после переселения корейцев строения, инвентарь, урожай посевов реализовывались через обобществленный сектор. Продажа личного имущества проводилась только по специальному решению органов советской власти. Все полученные суммы зачислялись на особые счета и переводились в госбюджет в целях возмещения государственных затрат на переселение и в погашение выданных корейским хозяйствам финансовых обязательств [17].

В заключение сделаем следующие выводы.

1. Выселение корейцев с территории советского Дальнего Востока прошло в строгом соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. Первоначально переселение намечалось лишь из пограничных районов. Но в итоге прошла поголовная депортация,

в том числе 1 155 человек из Сахалинской области, на территории которой, в отличие от Приморья, присутствие корейцев не создавало никакой реальной угрозы российским интересам.

2. Выселение предполагалось закончить к 1 января 1938 г. Но по настоянию НКВД этот срок был сокращен, и через 45 суток антикорейская репрессивная акция, в основном, завершилась. Такая молниеносность мотивировалась опасениями возможных массовых эксцессов и беспорядков. Часть корейцев открыто протестовала, призывала к прекращению работы, уничтожению скота, посевов и даже к неповиновению. Но, все же в массе своей корейцы верили в справедливость советской власти и великого вождя всех народов – Сталина, а потому не проявляли активного противодействия. Это вдохновило власти на поголовное изгнание корейцев даже из глубинных районов, где обеспечивался жесткий социально-политический контроль над населением, что само по себе делало нелепым проведение здесь мероприятий по «пресечению проникновения японского шпионажа в ДВК». Аресты производились сотрудниками русской и других национальностей, что порой порождало экстремистские, шовинистические настроения. Решившие уйти за кордон перехватывались органами НКВД и многие навсегда исчезали в концлагерях и тюрьмах.

3. Выселение корейцев преследовало двоякую цель. С одной стороны, – убрать их с дальневосточной земли, как политически неблагонадежный элемент, и тем самым обезопасить госграницу, а с другой, – заселить ими обезлюдившие казахстанские и среднеазиатские земли. В корейцах виделся вполне подходящий кадр «возрождения» буквально обескровленного коллективизацией колхозного сектора.

Средняя Азия и Казахстан не сумели принять в крайне сжатые сроки столь большую численность депортантов, хозяйственное обустройство которых было до крайности тяжелым. Только 20 февраля 1938 г., то есть спустя шесть месяцев после начала депортации, было принято правительственное решение о хозяйственном устройстве корейских выселенцев. Но практической организацией дела никто, включая и Совнарком СССР, всерьез не занимался. Преступная акция сталинского режима породила позорное межведомственное соперничество за дележ, по-существу, конфискованной у корейцев собственности.

4. В паспорта депортированных корейцев вносились отметки, ограничивающие срок их проживания в новых местах вселения до 5 лет. Второго августа 1946 г. вышла директива МВД СССР за № 196, предписывающая выдавать всем высланным из Дальневосточного края корейцам новые паспорта без ограничения прописки их по месту жительства на общих основаниях. Однако 3 марта 1947 г. МВД СССР вновь наложило запрет на свободное перемещение корейцев и проживание их в Дальневосточном крае [18].

Вопрос о гражданско-правовом статусе депортированных корейцев нашел свое отражение в справке «Корейская колония в СССР», где указывалось: «Имеется ряд исключений и ограничений, ставящих корейцев в несколько обособленное положение: а) прежде всего корейцы ограничены в выборе места жительства и должны проживать в местностях, указанных им административными органами. В то же время органы НКВД или Прокуратуры, как это имеет место на практике, не имеют формальных основа-

ний для привлечения корейцев к ответственности в случае самовольного поселения их в неуказанных местностях, так как корейцы все же не являются административно высланными. Специального учета в органах милиции не существует; б) корейцы не призываются на действительную военную службу в Красную Армию ... В настоящее время они призываются лишь в рабочие батальоны, наряду с так называемым «тыловым обеспечением» (лица, лишенные права защищать страну с оружием в руках)» [19].

Как признавалось НКВД в январе 1948 г., корейцы не являлись спецпереселенцами, так как были переселены не в порядке репрессий, а в порядке принудительных мер по очищению приграничных с Японией районов, и к тому же они, в хозяйственном отношении считались вполне устроенными, обжились в новых местах поселений. Такие же мотивы мы встречаем и в отчете 4-го спецотдела МВД СССР, подготовленном в сентябре 1949 г., где отмечалось, что «на учете спецпоселенцев корейцы не состояли, а лишь в паспорта им были внесены ограничения сроком на 5 лет о проживании их только по месту выселения» [20, с. 147].

Между тем в действительности корейцы находились под административным контролем, проживали в условиях ограничения прав и свобод, а режим проживания, по-существу, был схожим со спецпереселенческими районами.

5. В результате насильственного переселения корейцев народному хозяйству и национальным кадрам региона был нанесен значительный урон. Произошла полная смена корейских работников в партийных, советских и хозяйственных органах, а также специалистов производства. Найти им равноценную замену на месте в короткое время не представлялось возможным. Прекратили свое существование окрепшие и дававшие разнообразную продукцию национальные сельскохозяйственные и рыболовецкие колхозы и различного рода промысловые артели.

В результате депортации корейцы были лишены человеческого права на поклонение праху своих предков, а многие и сами остались лежать в безымянных могилах на огромных просторах Транссибирской магистрали и Турксиба. Были утрачены и семейно-родственные связи. В итоге трагические события 1937 г. оказали крайне негативное влияние на демографическую ситуацию советских корейцев, прервали их дальневосточную историю на многие десятилетия.

Список литературы

1. Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917 – 1925 гг.) : сб. документов и материалов. – Южно-Сахалинск : Сахалин. книжное изд-во, 1959. – 316 с.
2. Государственный архив Хабаровского края. – Фонд Р-58. – Описание 1. – Дело 67. – Л. 20–21.
3. Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине / Бок Зи Коу. – Южно-Сахалинск : Сахалин. книжное изд-во, 1993. – 224 с.
4. Государственный архив Сахалинской области. – Фонд 1174. – Описание 2. – Дело П-48281.
5. ГАСО. – Ф. 1174. – Оп. 2. – Д. П-48252.
6. ГАСО. – Ф. 1174. – Оп. 2. – Д. П-48266.

7. ГАСО. – Ф. 1174. – Оп. 2. – Д. П-45541.
8. ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 50–54.
9. Кузин, А.Т. Дальневосточные корейцы: жизнь и трагедия судьбы / А.Т. Кузин. – Южно-Сахалинск : Сахалин. отделение Дальневосточ. книжного изд-ва ; Литер.-издател. объединение «ЛИК», 1993. – 368 с.
10. Белая книга о депортации корейского населения России в 30–40-х годах / Авторы-сост. Ли У Хе, Ким Ен Ун. – Кн. 1. – М. : Интерпракс, 1992. – 206 с.
11. ГАХК. – Ф. П-2. – Оп. 1. – Д. 1345. – Л. 1195.
12. Бугай, Н.Ф. Российские корейцы: дорога длиной в 140 лет (от деревни Тизинхе до закона «О реабилитации репрессированных народов») // Проблемы этнической истории и культуры российских корейцев : материалы науч.-практич. конф., посвященной 140-летию со дня добровольного переселения корейцев в Россию. – Оренбург, 2005. – С. 4–19.
13. Сахалинский центр документации новейшей истории. – Фонд П-4. – Описание 1. – Дело 3. – Лист 66–67, 74.
14. Государственный архив Приморского края. – Фонд П-1. – Описание 1. – Дело 682. – Лист 54.
15. СЦДНИ. – Ф. П-4. – Оп. 1. – Д. 70.
16. СЦДНИ. – Ф. П-4. – Оп. 7. – Д. 3. – Л. 67.
17. ГАСО. – Ф. 53. – Оп. 7. – Д. 51. – Л. 3–4.
18. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд Р-9122. – Описание 1. – Дело 19. – Лист 188.
19. ГАРФ. – Ф. Р-9401. – Оп. 1. – Д. 2011. – Л. 254–264.
20. Бугай, Н.Ф. Выселение советских корейцев с Дальнего Востока / Н.Ф. Бугай // Вопр. истории. – 1994. – № 5. – С. 141–148.

To the History of Political Reprisals and Deportation of Sakhalin Koreans

A.T. Kuzin

*Affiliation of Pacific State Economic University,
Yuzhno-Sakhalinsk.*

Key words and phrases: deportation; Koreans; Northern Sakhalin; political reprisals.

Abstract: The paper studies the process of political reprisals of the Korean population on the basis of archival documents. presents The events of the administrative eviction of Koreans to Central Asia and Kazakhstan in 1937 and the negative consequences of this deportation are presented as a special tragic plan.

© А.Т. Кузин, 2010